

Н. А. Рубакин

**Две конституции: турецкая и
российская: Мидхат-паша,
Лассаль**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. А. Рубакин**
Две конституции: турецкая и российская: Мидхат-паша, Лассаль / Н. А. Рубакин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-517-97989-6

ISBN 978-5-517-97989-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Но не успѣлъ еще покончить съ жизнью одинъ падишахъ, страдавшій умопомѣшательствомъ, и не успѣлъ еще застыть его трупъ, какъ на престолъ османовъ уже вступилъ другой, именно Мурадъ V, у котораго было констатировано то же явленіе, т.-е. душевное разстройство, съ тѣмъ только отличіемъ отъ предыдущаго, что у Абдуль-Азаса оно проявилось при содѣйствіи основныхъ законовъ Турецкой имперіи, способствующихъ моментальному удовлетворенію всѣхъ чаяній и хотѣній самой ненасытной души, а у Мурада V то-же самое явленіе развилось еще до вступленія на престолъ.

Такъ одинъ умопомраченный смѣнилъ другого, и притомъ безъ всякаго особеннаго ущерба для обширной страны, въ которой насчитывалось не меньше 25-ти милліоновъ обитателей, и къ крайнему удовольствію турецкихъ тайныхъ и не тайныхъ совѣтниковъ и разныхъ должностныхъ лицъ, чающихъ для себя движенія воды, хотя бы даже самой мутной...

Какъ извѣстно, Мурадъ V былъ совершенно больной человѣкъ. Но душевное разстройство не только не мѣшало ему сдѣлаться самодержавнымъ главою все еще громадной имперіи и безотвѣтно и безотчетно взять въ свои руки судьбу многихъ милліоновъ людей и всей страны, а даже оказалось весьма удобнымъ для сановниковъ, стоящихъ около государственныхъ дѣлъ. Самодержавный помѣшанный Мурадъ, сидя на тронѣ османовъ, дѣлалъ обычное дѣло всѣхъ самодержавныхъ и даже конституціонныхъ монарховъ: онъ царствовалъ, но не управлялъ,—за него дѣйствовали другіе. Врядъ-ли нужно доказывать, что, вслѣдствіе такой перемѣны лица, положеніе дѣлъ, въ сущности, нисколько не перемѣнилось, и государственныя дѣла продолжали итти старымъ ходомъ, разнаго рода затрудненія продолжали прогрессировать, и старушка Исторія продолжала дѣлать свое дѣло, увеличивая смуту и громоздя затрудненія на затрудненія.

Съ турецкимъ абсолютизмомъ случилось то же, что случается со всякими другими абсолютизмами. Какъ говоритъ Лассаль,—„несмотря на всю свою неподатливость, абсолютизмъ вовсе не желаетъ влачить сомнительное существованіе. Для продленія, насколько возможно, своего существованія, у него

имѣется только одно средство. Средство это—*лжеконституционализмъ*. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Абсолютизмъ даетъ конституцію, въ которой права народа и его представителей *не обезпечены никакой реальной гарантіей*. Такой конституціей абсолютизмъ уже заранѣе отнимаетъ у представителей народа частью возможность, частью желаніе стать въ независимое отъ него положеніе, а въ концѣ-концовъ ставитъ себѣ за правило—считать несуществующимъ всякое независимое постановленіе народныхъ представителей, если только оно противорѣчитъ его желаніямъ. (Лассаль — „Сущность конституціи“).

Подъ давленіемъ затрудненій и смуты, о которой шла рѣчь выше, абсолютизмъ, естественно, допустилъ вмѣшательство либерала Мидхата-паши въ устройство своихъ собственныхъ дѣлъ. И вотъ, подъ покровомъ абсолютизма, выплылъ на сцену турецкой исторіи лжеконституционализмъ, какъ сильно дѣйствующее средство и противъ внутреннихъ, и противъ внѣшнихъ затрудненій. Имѣть дѣло съ помѣшаннымъ Мурадомъ V и дѣйствовать отъ его имени, „упраздняя“ абсолютизмъ, все же оказалось неудобнымъ. Вершителямъ тогдашнихъ судебъ Турціи волей-неволей пришлось взяться за низложеніе и Мурада, что и было благополучно исполнено. На мѣсто Мурада на престолѣ Османовъ вступилъ нынѣ благополучно царствующій Абдуль-Гамидъ. Мидхатъ-паша и его сообщники и единомышленники рѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ и преподнесли на подпись новому султану своего рода „Великую хартію вольностей“ (*Magna charta libertatum*).

Какъ разъ въ это самое время въ Константинополь заѣдала „подготовительная конференція европейскихъ посланниковъ“, которые, пользуясь явнымъ и тайнымъ разложеніемъ турецкаго государства, даже не сочли нужнымъ пригласить на свой совѣтъ, на которомъ они рѣшали судьбы Турціи, турецкаго уполномоченнаго и пришли уже къ опредѣленному рѣшенію относительно цѣлаго ряда крайне важныхъ реформъ турецкаго государственнаго строя, имѣвшихъ въ виду не только благо турецкихъ христіанъ, но и другихъ „вѣрноподанныхъ“ и, несомнѣнно, нарушавшихъ прерогативы султана въ его „собственномъ государствѣ“. Кромѣ того, всѣ эти реформы

должны были вводиться подъ надзоромъ европейскихъ державъ и европейской охранной стражи. Такого рода рѣшительная мѣра, какъ это показываетъ исторія того времени, была ни чѣмъ инымъ, какъ просто на просто попыткой такъ-называемой „Европы“ подчинить турецкое правительство онекъ правительствъ иностранныхъ. Мидхатъ-паша, да и самъ новый султанъ, отлично понимали, что такого рода вмѣшательство чужестранцевъ во внутреннія турецкія дѣла, въ концѣ-концовъ, должно привести къ потерѣ полной самостоятельности османовъ.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, Абдуль-Гамидъ вовсе не раздѣлялъ либеральныхъ взглядовъ Мидхата и крѣпко-накрѣпко держался за свой кусокъ. Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-либо, подходили и подходятъ слова Иосифа II австрійскаго, сказанныя имъ одной либеральной дамѣ: „Я, сударыня, абсолютистъ по профессіи“. Впрочемъ, не освоившись еще со своимъ новымъ положеніемъ, Абдуль-Гамидъ до поры, до времени молчалъ, тѣмъ болѣе, что противъ иностраннаго вмѣшательства необходимо было сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ, по просту говоря, возможно ловкій шахматный ходъ. Подъ предлогомъ спасенія Турціи и ея правительства, и самодержавной власти, и благополучія султана, Мидхатъ-паша смѣло приподнесъ для подписи Абдуль-Гамиду великолѣпно написанный, по всѣмъ правиламъ турецкой каллиграфіи, историческій документъ, и Гамидъ такъ же смѣло и рѣшительно подписалъ его.

Въ этотъ историческій моментъ, когда, повидимому, рѣшались судьбы Турецкой имперіи, и султанъ Гамидъ, и Мидхатъ-паша были очень довольны совершившимся. Мидхатъ-паша былъ доволенъ тѣмъ, что надежды и мечты „молодой Турціи“ сдѣлались достояніемъ писаннаго права, стали закономъ, подписаннымъ самимъ главою государства. Гамидъ же былъ доволенъ тѣмъ, что подписанный документъ являлся для него въ данную минуту очень удобнымъ и даже внушительнымъ питомъ противъ домогательствъ иностранныхъ державъ. Мидхатъ-паша смотрѣлъ на этотъ документъ, такъ сказать, съ точки зрѣнія вѣчности; Абдуль-Гамидъ оцѣнилъ его, такъ сказать, съ точки зрѣнія злобы дня. И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда европейскіе посланники соборно явились во дворецъ султана

со своими, коллективно выработанными и уже подписанными отъ имени великихъ державъ реформаціонными требованіями, вдругъ вдаль загрохотали пушки.

Это былъ торжественный салютъ дворцовой артиллеріи въ честь вновь народившагося „европеизированнаго“ государства, въ честь только-что объявленной турецкой конституціи.

То, что придумали для блага турецкаго народа европейскіе послы, оказалось гораздо хуже и скуднѣе, чѣмъ то, что обѣщала дать турецкому народу новая конституція!

Самъ султанъ давалъ, повидному, гораздо больше того, что отъ него требовали, и къ тому же давалъ какъ будто безъ всякаго принужденія. Новый актъ верховной воли не могъ не казаться всему свѣту чѣмъ-то небывалымъ, какимъ-то чудомъ самоотверженія и безкорыстія, рѣдчайшимъ примѣромъ душевнаго величія и политической мудрости, въ силу которой человекъ, держащій въ своихъ рукахъ огромную силу, богатство и власть и создающій, съ ихъ помощью, для себя и своихъ близкихъ нѣчто въ родѣ магометова рая на землѣ, вдругъ отъ этого самаго рая отказывается и за себя и за своихъ потомковъ, ради благополучія и счастья тѣхъ самыхъ миллионовъ людей, которые, по представленіямъ, освященнымъ и отцовской вѣрой, и исторіей, и писаннымъ правомъ, только для того и живутъ на землѣ, чтобы устраивать для него этотъ рай.

Это-ли не самоотверженіе, это-ли не жертва, единственно достойная „тѣни Аллаха на землѣ“?

Исторія умалчиваетъ о томъ, какими доводами убѣждалъ Мидхатъ-паша новаго султана и какими собственными доводами султанъ убѣдился въ удобствѣ для него новаго акта. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился фигурировать на аренѣ исторіи въ качествѣ „ортодоксальнаго конституціоналиста“. Такъ или иначе, дѣло было сдѣлано, актъ подписанъ и 23-го декабря 1876 года объявленъ съ великимъ торжествомъ... Этимъ актомъ султанъ ограничивалъ свою собственную власть, поступаясь ею въ пользу „своего возлюбленнаго народа“ въ лицѣ его „свободно избранныхъ представителей“. Читая новый актъ вонистину „государственной“ мудрости, нельзя не видѣть, до какой степени

былъ широкъ государственный размахъ у творцовъ турецкой конституціи. Они сыпали политическія блага и разныя „права“ самою щедрой рукой. Они давали, можно сказать, все, не оставляя въ свою пользу ничего или почти ничего изъ своихъ вѣковыхъ прерогативъ. Они не жалѣли ни своей власти, ни даже своего кармана. Они безжалостно относились къ своимъ собственнымъ выгодамъ и благополучію. Конституція, тайно выработанная комиссіею изъ улемовъ (ученыхъ на духовный ладъ) и чиновниковъ, къ тому же выработанная по довольно „демократическому“ образцу конституціи бельгійской, сулила турецкому народу всѣ блага самыхъ передовыхъ европейскихъ странъ. Ею вводились двѣ палаты: во-первыхъ, сенатъ и, во-вторыхъ, выборная палата депутатовъ. Выборы въ эту послѣднюю должны были производиться на основаніи всеобщаго избирательнаго права, прямого, равнаго и тайнаго. Министры, составлявшіе особый совѣтъ, дѣлались отвѣтственными. Провозглашалась одновременно свобода вѣроисповѣданій, слова и печати, несмѣняемость судей, обязательность начальнаго образованія. Гарантировалась неприкосновенность личности, свобода и равенство всѣхъ передъ закономъ, безъ различія религій. „Въ основу имперіи,—такъ говорилось въ торжественномъ извѣщеніи, которое было разслано турецкимъ правительствомъ по всѣмъ иностраннымъ дрорамъ,—конституція кладетъ начала свободы, справедливости и торжества цивилизаціи“. При этомъ усиленно указывалось на то, что конституція отнюдь не является пустымъ обѣщаніемъ, и что она есть „формальный актъ, который имѣетъ дѣйствительную силу и отнынѣ становится достояніемъ всѣхъ оттомановъ“. И вотъ на этомъ основаніи, когда державы по-пробовали-было представить турецкому правительству свой внушительный ультиматумъ съ перечисленіемъ „назрѣвшихъ“ реформъ, великій совѣтъ, составленный изъ двухсотъ высшихъ турецкихъ сановниковъ, весьма основательно отвѣтилъ имъ, что на эти реформы турецкое правительство согласиться не можетъ, такъ какъ сами онѣ несогласны... съ только-что объявленной конституціей. „Ни одной изъ турецкихъ провинцій,—говорилось въ турецкомъ отвѣтѣ державамъ,—нельзя предоставить исключительнаго положенія или сдѣлать въ ея пользу важныя уступки,

безъ одобренія народныхъ представителей, которые будутъ со- званы въ непродолжительномъ времени“.

Шахматный ходъ былъ разсчитанъ вѣрно. Державы,— какъ говорится,— не только отъѣхали ни съ чѣмъ, но еще оказа- лись консервативнѣе самаго консервативнаго изъ правительствъ.

Такимъ образомъ, конституція сдѣлала свое дѣло и при- несла свою пользу... абсолютизму.

Затѣмъ абсолютизмъ, по своему всегдашнему правилу, бле- стяще формулированному тѣмъ же Лассалемъ, поставилъ себѣ слѣдующую задачу: „Считать несуществующимъ всякое поста- новленіе народныхъ представителей, если только оно противо- рѣчить его желаніямъ“.

Но и этого турецкому абсолютизму показалось еще мало. Онъ пожелалъ гарантировать себя, во-первыхъ, отъ неудобныхъ представителей, а во-вторыхъ, отъ представителей вообще и, наконецъ, въ третьихъ, отъ самаго представительства, и даже отъ идеи представительства, и даже отъ человѣка, который рѣшился изложить эту идею на бумагѣ и поднести эту бумагу для подписи абсолютному монарху. Дальнѣйшія событія стали развиваться съ головокружительной быстротой.

Въ февралѣ 1877 года, т.-е. мѣсяца два спустя послѣ об- народованія конституціи, Мидхатъ-паша уже впалъ въ „неми- лость“ султана, который, подписывая либеральную конституцію, вовсе не былъ намѣренъ, ради какой-то бумаги, поступаться своими весьма реальными правами. Сила была на сторонѣ сул- тана. Въ его же рукахъ находилась и та бумага, на которой было изображено право. Право должно было, такъ сказать, пре- клонить свою покорную голову передъ силой, что оно и не пре- минуло сдѣлать, лишній разъ подтверждая задолго до того ска- занныя слова все того же Лассала, что конституція есть ни- что иное, какъ „фактическое соотношеніе общественныхъ силъ страны“. Турецкая конституція оказалась ничѣмъ инымъ, какъ уступкой трудной *минуть*, своего рода „конституціоннымъ сред- ствомъ“ для поддержки абсолютизма. Такъ и должно было быть, потому что никакой реальной гарантіи для обезпеченія правъ народа и его представителей въ данный моментъ въ Турціи не было. Вниманіе возставшихъ народностей было обращено не на

поддержку конституціи Турецкаго государства, а на выдѣленіе ихъ изъ этого государства. „Молодая Турція“ была слишкомъ слаба и не имѣла подъ собой никакой почвы въ темномъ, обѣднѣвшемъ и обезличенномъ народѣ, влачащемъ кое какъ свое земледѣльческое ярмо. Что касается до фабрично-заводскихъ рабочихъ, то таковыхъ въ тѣ времена въ Турціи, можно сказать, почти и вовсе не было, а буржуазія, торговый классъ, была представлена никѣмъ инымъ, какъ греческими, армянскими и, вообще, иноземными купцами, у которыхъ были свои задачи, не имѣющія ничего общаго съ турецкой конституціей. Наконецъ, турецкая учащаяся молодежь доказала свою политическую зрѣлость слѣдующимъ классическимъ отвѣтомъ, который былъ данъ ею еще во времена Абдуль-Азиса на одной константинопольской площади. Абдуль-Азисъ спрашивалъ молодежь: чего ради она бунтуетъ? Что собственно ей нужно?

На этотъ, во всякомъ случаѣ прямо поставленный вопросъ былъ полученъ такой отвѣтъ:

— Намъ ничего не надо. Мы знаемъ только то, что наше правительство никуда не годится.

Столь оригинально воинствующая учащаяся молодежь была, разумѣется, никому нестрашна... За всѣмъ тѣмъ, какъ-никакъ, въ рукахъ самодержавнаго султана находилось и войско, и полиція, и суды, и школы, и духовенство.

Вышло, словомъ сказать, совершенно такъ, какъ нѣкогда формулировалъ Лассаль: „Какъ только абсолютизмъ превратился въ лже-конституціонализмъ, — онъ приобрѣлъ большую выгоду и... на неопредѣленное время продлилъ свое существованіе. Если бы онъ захотѣлъ оставаться въ своемъ старомъ, неприкрашенномъ видѣ, онъ не могъ бы въ данномъ случаѣ рассчитывать на долговѣчность“.

Въ нѣкоторомъ отношеніи *помогла* сохраненію турецкаго абсолютизма и неудачная война съ Россіей, такъ какъ, въ результатъ этой войны, отъ Турціи *отошли* тѣ самыя провинціи, которыя, съ турецкой точки зрѣнія, были особенно заражены „мятежнымъ духомъ“.

Разумѣется, абсолютизмъ очень скоро почувалъ, что онъ можетъ существовать попрежнему. Онъ могъ даже не утру-

ждать себя заботой о томъ, приступать или не приступать ему къ исполненію провозглашенныхъ коренныхъ реформъ турецкаго государственнаго строя. Правда, палата, учрежденная на основаніи новой конституціи, была созвана; но это была совѣтъ не такая палата, о какой мечтали въ своей либеральной наивности Мидхатъ-паша и другіе „младо-турки“. Всеобщее избирательное право, благами котораго рассчитывали пользоваться всѣ народности, входящія въ составъ Турецкой имперіи, отнюдь не привело къ тому, чтобы въ выборную палату вошли и представители отъ христіанъ. За очень немногими исключеніями, эта палата составила изъ однихъ мусульманъ, да и эти мусульмане отнюдь не грѣшили какой-либо приверженностью къ идеямъ „молодой Турціи“: почти всѣ мусульманскіе депутаты были выбраны въ палату, несмотря на законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, не инымъ способомъ, какъ по указаніямъ муташерифовъ (губернаторовъ), каймакамовъ, вали, заптіевъ (жандармовъ) и другихъ должностныхъ лицъ, приверженныхъ идеѣ абсолютизма, если не за совѣтъ, то за страхъ или, по крайней мѣрѣ, ради возможности устраивать свои домашнія дѣла и дѣлишки. Въ результатѣ, — выборная палата составила изъ такихъ депутатовъ, которые даже у очень невзыскательныхъ на этотъ счетъ турокъ получили очень рельефное прозвище „эветъ-эффенди“, что значитъ по-русски: *да, господинъ*, такъ какъ эти депутаты были способны только къ тому, чтобы „дакать“ и „такать“.

Съ перваго же абцуга указательный перстъ должностнаго лица оказался чѣмъ-то въ родѣ эквивалента всеобщаго избирательнаго права.

Что касается до реальнаго осуществленія гарантій „неприкосновенности и неотъемлемыхъ правъ личности“, то самому Мидхату-пашѣ пришлось испытать эти гарантіи на себѣ самомъ, и къ тому-же гораздо раньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Открытіе первой парламентской сессіи, въ которой, кстати сказать, приняли участіе и приверженцы Мидхата-паши, состоялось 7-го марта 1877 года, но за два дня до этого момента, а именно 5-го марта, самъ Мидхатъ, по приказу того же Абдуль-Гаида, былъ лишенъ своего званія великаго визиря и арестованъ. Правда,

открытіе парламента все-таки состоялось, и онъ, по англійскому образцу, былъ даже открытъ тронной рѣчью, но и это обстоятельство не помѣшало его закрытію, въ сущности, еще до конца сессіи...

Абсолютизмъ, очевидно, учуялъ даже въ такомъ парламентѣ какой-то нежелательный и непріятный для себя духъ, хотя бы исходя изъ того одного факта, что, какъ-никакъ, въ этомъ самомъ парламентѣ имѣлись и приверженцы свергнутаго Мидхата, а, кромѣ того, быть-можетъ, зная по опыту нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, что въ исторіи бывають иногда такіе моменты, когда поднимають свои голоса, во имя требованій жизни, даже господа „эветъ-эффенди“.

Впрочемъ, на первый разъ дѣло ограничилось лишь распущеніемъ только - что собраннаго парламента. Затѣмъ были произведены новые выборы, еще болѣе обставленные всякаго рода административными воздѣйствіями, несмотря на конституціонныя гарантіи, и давшія еще болѣе блистательные результаты... съ точки зрѣнія абсолютизма.

И несмотря на все это, новая сессія турецкаго парламента оказалась столь же краткою, какъ и первая, и снова кончилась ничѣмъ.

Безъ формальной отмѣны конституціи, даже безъ формальнаго распущенія, парламентъ болѣе не собирался.

Этимъ и окончилась исторія турецкаго парламентаризма. Затѣмъ наступила русско-турецкая война, имѣвшая своимъ результатомъ распаденіе европейской, а отчасти и азіатской половины имперіи. Общественное движеніе внутри государства стало замѣтноглохнуть. Волненія армянъ, грековъ и нѣкоторыхъ другихъ народностей ушли въ глубину народнаго моря, ожидая лучшихъ дней для своего новаго появленія. Что касается до реформъ, обѣщанныхъ конституціей, то онѣ такъ и не были осуществлены. Свобода печати свелась къ тому, чтобы восхвалять турецкій государственный строй и тѣхъ должностныхъ лицъ и тѣ общественныхъ классы, которымъ онъ выгоденъ. Гражданская свобода, словно по рецепту „Московскихъ Вѣдомостей“ (1885 г.), должна была ограничиться не чѣмъ

инимъ, какъ „правомъ дѣлать то, что велятъ“ *). „Неприкосновенность личности“ имѣла своимъ результатомъ заполненіе тюремъ и заселеніе окраинъ. Самъ Мидхатъ-паша, вмѣстѣ съ другими такъ-называемыми „государственными преступниками“, по волѣ Аллаха, а можетъ-быть, и по чьей-либо иной, „скоропостижно умеръ“ въ далекой ссылкѣ.

Впрочемъ, послѣ его смерти конституція, подписанная собственной рукой султана, все таки продолжала существовать. Она существуетъ и до сего времени,—на той же самой бумагѣ, на которой была написана въ 1876 году.

Какъ извѣстно, для султановъ считается неприличнымъ отмѣнять свои собственные подписи, и Абдуль-Гамидъ не считалъ достойнымъ своего собственнаго величія зачеркивать самого себя.

Но и не зачеркивая, можно вести свою собственную линію. Можно быть типичнымъ представителемъ абсолютизма и въ такое время, когда тутъ же рядомъ, въ той же столицѣ, засѣдаетъ въ золоченой палатѣ цѣлая толпа „выборныхъ людей“, которые, уткнувъ свои носы и уставя брады, „такаютъ“, „дакаютъ“, дремлютъ, кланяются, благодарятъ, восхваляютъ, прославляютъ, подписываются и расписываются, санкціонируя какія угодно „мѣропріятія“, направленные „ко благу всѣхъ вѣрнопопданныхъ“, не только отъ своего имени, но и отъ имени „всего народа“. Это иной разъ выгодно даже султанамъ: вѣдь какъ ни какъ, а всетаки,—это *народные* представители, а воздѣйствовать на нихъ куда легче, чѣмъ на многомилліонный народъ; да и запугать, да и подкупить легче; если же они „дакаютъ“ и „такаютъ“ и, пресмыкаясь, распинаются за „сохраненіе основъ“—то тѣмъ лучше для абсолютизма. Во всякомъ случаѣ, съ *такими* представителями можно не только дѣйствовать, но даже и злодѣйствовать, и къ тому же не отъ своего имени, а еще отъ имени *народа*. *Такіе* представители пусть представляютъ собой хоть *весь* народъ, лишь бы они не были имъ и взаправду... Впрочемъ, и на этихъ господъ смотрѣть бываетъ скучно даже султанамъ. Поэтому нечего уди-

*) Слова М. Н. Каткова.